

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.87.57.007

Лингвистические средства репрезентации образа волшебной невесты в русской народной сказке

Егорова Ольга Арсеновна

Кандидат культурологии, доцент,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: egorovaolga29@mail.ru

Аннотация

В статье на материале русских народных волшебных сказок анализируются лингвистические средства создания образа главной героини – чудесной невесты. Рассматриваются именные номинации, постоянные эпитеты, развёрнутые сравнения, приёмы опосредованной характеристики, а также прямая речь и фразеологические обороты, через которые раскрываются качества героини. Показано, что данные средства выполняют аксиологическую, сюжетообразующую и архаизирующую функции. Красота волшебной невесты осмысливается в сказке как динамическая, магическая сила, мотивирующая подвиги героя и определяющая счастливую развязку. При этом образ героини не сводится к описанию её внешности: через прямую речь и глагольную семантику вербализуются её житейская мудрость, практическая смекалка и способность к чуду. Проведённое исследование позволяет реконструировать фрагменты традиционной языковой картины мира и выявить ценностные ориентиры, связанные с представлениями о красоте, мудрости и социальной роли женщины.

Для цитирования в научных исследованиях

Егорова О.А. Лингвистические средства репрезентации образа волшебной невесты в русской народной сказке // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 6А. С. 58-64. DOI: 10.34670/AR.2026.87.57.007

Ключевые слова

Русская народная сказка, волшебная невеста, лингвистические средства репрезентации, постоянные эпитеты, сравнения, прямая речь, культурный код, сюжетообразующая функция, языковая картина мира.

Введение

В современной лингвистике, культурологии и фольклористике народная сказка рассматривается не только как жанр устного народного творчества, но и как сложная семиотическая система, универсальный код национальной культуры, в котором закреплены архаические верования, модели социального поведения и представления о должном [Егорова, 2018]. В этой связи особое место среди элементов сказочной поэтики занимают женские персонажи, аккумулирующие целый спектр традиционных ценностей – они выступают одновременно хранительницами домашнего очага, носительницами магического знания и символами неземной красоты [Аникин, 2001]. Как отмечал В. Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки», в женских образах «сказка сохранила следы матриархального мышления», где красота, мудрость и сила часто оказываются нераздельны [Пропп, 2000: 145].

Цель настоящей работы – выявление и анализ лингвистических средств, участвующих в создании характеров и описании внешности положительных героинь русских народных сказок, а именно волшебных невест. Сюжетную основу волшебной сказки составляет история женитьбы героя, которая венчает события и выступает наградой за долгие и тяжкие испытания [Ведерникова, 1975: 43]. Женские образы, таким образом, занимают в сказочной поэтике центральное место, задавая аксиологическую шкалу повествования – ценностный ориентир, ради которого герой совершает свои подвиги [Егорова, 2014]. Как справедливо отмечает Н. М. Ведерникова, образы чудесной невесты получают в сказках наибольшую художественную разработанность, аккумулируя народные представления о девушке-невесте, жене и матери [Ведерникова, 1975: 44].

Основная часть

В данном исследовании акцент делается на системном анализе языковых единиц – от именной номинации и постоянных эпитетов до развёрнутых сравнений, и фразеологических оборотов. Как подчёркивал В. Я. Пропп в труде «Русская сказка», сказка использует «чрезвычайно яркие и выразительные приёмы характеристики», которые применительно к женским персонажам строятся вокруг идеалов красоты, ума и нравственной чистоты [Пропп, 2000]. Рассмотрение указанных средств, проведённое на материале классических сборников русских сказок [Афанасьев, 1984–1985; Аникин, 1987; Круглова, 1988], позволяет реконструировать ключевые составляющие национальной языковой картины мира и, следовательно, определить, какие черты женского характера и внешности осмыслились как идеальные в традиционном обществе.

Анализ языковых средств целесообразно начать с эпитетов, поскольку в русской сказке они служат наиболее сжатой и выразительной формой характеристики персонажа. Эта изобразительная функция эпитетов в полной мере реализуется в устойчивых именных сочетаниях, где постоянный эпитет неразрывно связан с именем героини. Такая синтагматическая спаянность имени и эпитета превращает последний в семантический маркер, который не только акцентирует ключевое качество образа, но и предопределяет его положительное восприятие слушателем.

В русских сказках имена волшебных невест обозначают характер и интеллектуальные качества (*Василиса Премудрая, Елена Премудрая*), внешний облик (*Василиса Прекрасная, Елена Прекрасная, царевна Неоценённая Красота*), а также социальный статус и родовую

отнесённость (*Царь-девица, Марья-царевна*). Среди устойчивых эпитетов, связанных с именами героинь, особенно частотны слова с приставками *пре-* и *не-*: *прекрасная, премудрая, ненаглядная, несказанная, неописанная*. Такие эпитеты не просто усиливают качество, но придают ему особый, волшебный смысл. Так, *прекрасная* утрачивает нейтральное значение «*очень красивая*» и указывает на исключительную, почти запредельную красоту, понимаемую как чудесный дар; *премудрая* – это не просто «умная», а обладающая знанием, недоступным обычным людям, способная превращаться в животных, повелевать птицами и зверями. В сказке «Рога» говорится: «...у него была дочь красоты неописанной»; здесь эпитет *неописанная* подчёркивает невозможность выразить красоту девушки словесно, то есть её абсолютный, трансцендентный характер.

Значимую роль в создании образов волшебных невест играют сравнительные конструкции, нередко включающие в свой состав постоянные эпитеты. В «Сказке о семи Симеонах, родных братьях», где семь братьев-мастеров похищают Елену Прекрасную из заморского царства, портрет героини строится вокруг необычайной тонкости кожи: «*румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам*». Красота здесь выступает не только эстетической категорией, но и нарративным двигателем – именно она побуждает царя к женитьбе и инициирует всю сюжетную цепочку испытаний. Само сравнение, основанное на визуальном эффекте прозрачности кожи, подчёркивает небывалую белизну, а также хрупкость и почти нематериальность героини, выводя её образ за пределы телесности.

Иной изобразительный приём обнаруживается в описании той же героини, но в другом варианте сказки: «*алый цвет по лицу рассыпается, белый пух по груди расстилается*» (сказка «Семь Семионов»). Глаголы *рассыпается* и *расстилается* придают облику героини динамику и живописность: первый создаёт образ мерцающего нежнейшего румянца, тогда как второй в применении к «*белому пуху*» вызывает ассоциацию с гладью снежного поля или тончайшей тканью. Цветовая оппозиция алого и белого составляет классический для фольклорной поэтики контраст: алый символизирует жизнь, кровь, телесное здоровье, а белый маркирует чистоту, невинность, непорочность. Их гармоничное соединение в одном портрете подчёркивает, что волшебная невеста объединяет в себе земную, телесную привлекательность и высшую нравственную безупречность.

Аналогичный принцип гиперболизации красоты через сравнение с природными явлениями обнаруживается и в других текстах. В сказке «Зорька, Вечорка и Полночка» о младшей королевне говорится: «*встречает его младшая королевна — краше цвета алого, белей снегу белого*». В отличие от рассмотренного выше примера, здесь сравнение строится не на описании, а на прямом превосходстве («*краше*», «*белей*»), что придаёт образу более категоричную характеристику – красота героини предстаёт как предельное, исключительное качество.

В ряде случаев сравнение выстраивается в целую иерархию природных явлений. В сказке «Безногий и слепой богатыри» прекрасная царевна описывается через царский указ: «Кто найдёт ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу...». Солнце, месяц и снег образуют шкалу света и чистоты, причём невеста должна превзойти каждый из этих естественных пределов. Сходный мотив – уподобление героини небесным светилам – получает наиболее развёрнутое воплощение в сказке «Орон верный»: «*Стала Марфа Прекрасная в саду как красное солнышко, золотая грудь как звездочка. Закипело сердце у Ивана-царевича, дал коню шпоры, проскочил через стену, ухватил Марфу Прекрасную и прочь поскакал*». Сравнение груди со звездочкой, а героини – с солнышком поднимает телесную красоту до уровня небесных тел. Здесь важен не столько гиперболический приём, сколько семантический механизм

наделения магическим статусом: волшебная невеста уподобляется небесным светилам, что указывает на архаические истоки образа как существа, находящегося на границе между человеческим и чудесным, магическим мирами.

Другой, не менее показательный тип сравнения встречается в «Сказке о серебряном блюде и наливном яблочке», где героиня описывается следующим образом: «как весенний цвет, очи – райский свет, по лицу заря...». Это сравнение носит синкретический характер: образ весеннего цвета отсылает к пробуждению природы, нежности и быстротечности красоты; «райский свет» привносит религиозно-мифологическую семантику, а «заря» связывает героиню с естественным ритмом смены дня и ночи. Таким образом, в этом примере сравнение функционирует не как изолированный троп, а как развёрнутая смысловая структура, в которой красота волшебной невесты оказывается соизмеримой с явлениями природы и чудесного мира.

Однако всех рассмотренных выше языковых средств оказывается недостаточно, чтобы передать полноту впечатления от красоты волшебной невесты. В связи с этим сказка прибегает к особой поэтической формуле, построенной на отрицании самой возможности описания: *«ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!»* Показателен в этом отношении сюжет сказки «Царевна-лягушка». Появление Василисы Премудрой описывается с помощью традиционной фольклорной формулы: *«и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звёзды, на голове – месяц ясный, такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!»*. Лингвистически значимо здесь само отрицание возможности описания: формула *«ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать»* выступает маркером эстетического предела. Красота волшебной невесты столь велика, что обычная речь, не наделённая сказочным статусом, оказывается бессильна её запечатлеть.

Наряду с рассмотренными выше лингвистическими средствами для передачи красоты волшебной невесты в русских сказках используется приём опосредованной характеристики – описание не столько самой внешности героини, сколько реакции на неё другого персонажа. Данный приём обладает значительным художественным потенциалом: в отличие от прямого портретирования, он не фиксирует конкретные черты, а моделирует психоэмоциональное воздействие красоты на наблюдателя, оставляя простор для читательского воображения и придавая повествованию убедительность и выразительность. Красота предстаёт здесь как динамическая сила, способная парализовать волю и приковать внимание.

В качестве примера обратимся к фрагменту из сказки «Волшебное зеркальце»: *«Подожёл царевич, взглянул на девицу, да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья – чудная, невидимая, какой во всём свете другой не сыскать!»*. Эпитет *невидимая* здесь выполняет не столько визуальную функцию, сколько указывает на трансцендентную, почти магическую природу красоты, которая воздействует подобно незримой силе, не поддающейся рациональному объяснению. Сравнение *«словно невидимая сила»* оказывается эффективнее прямого портретного описания, поскольку передаёт не конкретные черты облика героини, а её воздействие на окружающих – способность лишать их движения, речи и воли. В результате формируется образ красоты как таинственной сущности, неподвластной рациональному постижению, что полностью согласуется с архаическими представлениями о волшебной невесте как о существе, находящемся на границе между человеческим и сверхъестественным мирами.

Таким образом, красота запредельного порядка, которой наделена волшебная невеста, выполняет в сказочном сюжете нарративную функцию: она привлекает героя и побуждает его к

решительным, подчас рискованным действиям. В данном контексте красота выступает не как внешний атрибут, а как сюжетообразующий фактор – именно ради обладания ею героиня преодолевает все препятствия и в конечном счёте одерживает победу над противниками.

Тем не менее образ волшебной невесты в русской сказке не исчерпывается репрезентацией её внешности. Не менее значимы нравственные, интеллектуальные и поведенческие черты, которые вербализуются иными языковыми средствами – прежде всего через прямую речь, фразеологические обороты и глагольную семантику, акцентирующие жизненный опыт и рассудительность героини. Так, речь Василисы Премудрой из сказки «Царевна-лягушка» демонстрирует житейскую мудрость: *«Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!»*. Устойчивая паремиологическая единица выполняет здесь не только характеризующую, но и сюжетообразующую функцию: она успокаивает героя, указывает на необходимость временной отсрочки и транслирует уверенность в том, что ночь принесёт решение.

Через прямую речь передаётся и ещё одна грань житейской мудрости волшебной невесты – её способность к рациональному действию и ведению быта. В сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» Марья-царевна быстро организует хозяйство: *«Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шёлку, я всё дело поправлю»*. Императивная конструкция в сочетании с конкретным числительным создаёт образ женщины, способной управлять ресурсами и принимать самостоятельные решения. Кроме того, в описании возможностей Марьи-царевны используются развёрнутые глагольные ряды: *«Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась... вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери»*. Динамичный глагольный ряд и обращение к волшебной книге свидетельствуют о магической природе мудрости героини, где книжное знание соседствует с архаическими практиками управления природными силами.

Заключение

Образ волшебной невесты в русской народной сказке создаётся многоуровневой системой языковых единиц, среди которых ключевую роль играют именные номинации с постоянными эпитетами, развёрнутые сравнения, традиционные фольклорные формулы, приём опосредованной характеристики через реакцию другого персонажа, а также прямая речь и фразеологические обороты. Постоянные эпитеты выполняют аксиологическую функцию, наделяя героиню запредельной красотой и мудростью, которые осмысляются как чудесный дар и знак избранности, закрепляя положительную оценку образа в восприятии слушателя.

Сравнительные конструкции, отсылающие к природным и небесным явлениям, служат механизмом гиперболизации, постулируя превосходство красоты волшебной невесты над любыми естественными эталонами. Такие сравнения нередко приобретают синкретический характер, объединяя природную, мифологическую и космическую семантику, что свидетельствует об архаических, дохристианских истоках образа волшебной невесты.

Наряду с эпитетами и сравнениями сказка использует традиционную формулу *«ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать»*, которая выступает маркером эстетического предела и выполняет ритуально-возвышающую функцию, фиксируя невыразимость красоты средствами обычной речи. Приём опосредованной характеристики – изображение не столько внешности, сколько психоэмоциональной реакции на неё другого персонажа – моделирует

красоту как динамическую, магическую силу, способную парализовать волю и инициировать сюжетные действия.

Прямая речь и фразеологизмы раскрывают внутренний мир героини, вербализуя её нравственные, интеллектуальные и поведенческие черты. Благодаря этому образ волшебной невесты не сводится к внешней красоте, но включает ценностно-смысловое ядро – житейскую мудрость, хозяйственную деятельность и способность к чуду. Красота такого запредельного порядка выступает в сказочном сюжете не статичным атрибутом, а сюжетообразующим фактором, привлекающим героя, мотивирующим его подвиги и обеспечивающим благополучное завершение сюжета.

Библиография

1. Аникин В. П. Русские народные сказки. – М.: Детская литература, 1987.
2. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. – М.: Наука, 1984–1985.
4. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. – М.: Наука, 1975.
5. Егорова О. А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок) // *Litera*. – 2018. – № 3. – С. 296–303.
6. Егорова О. А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках Британских островов // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2014. – № 1. – С. 87–97.
7. Круглова Ю. Г. Русские народные сказки. – М.: Советская Россия, 1988.
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000.
9. Пропп В. Я. Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2000.

Linguistic Means of Representing the Image of the Magic Bride in the Russian Folk Tale

Ol'ga A. Egorova

PhD in Cultural Studies, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: egorovaolga29@mail.ru

Abstract

Based on the material of Russian folk magic tales, the article analyzes the linguistic means of creating the image of the main heroine – the wonderful bride. Nominal nominations, constant epithets, extended comparisons, methods of indirect characterization, as well as direct speech and phraseological units through which the qualities of the heroine are revealed are examined. It is shown that these means perform axiological, plot-forming, and archaizing functions. The beauty of the magic bride is conceptualized in the tale as a dynamic, magical force that motivates the hero's feats and determines the happy ending. At the same time, the image of the heroine is not reduced to the description of her appearance: through direct speech and verbal semantics, her worldly wisdom, practical ingenuity, and capacity for miracle are verbalized. The conducted research allows for the reconstruction of fragments of the traditional linguistic picture of the world and the identification of value orientations associated with ideas about beauty, wisdom, and the social role of women.

For citation

Egorova O.A. (2026) Lingvisticheskie sredstva reprezentatsii obraza volshebnoy nevesty v russkoy narodnoy skazke [Linguistic Means of Representing the Image of the Magic Bride in the Russian Folk Tale]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (6A), pp. 58-64. DOI: 10.34670/AR.2026.87.57.007

Keywords

Russian folk tale, magic bride, linguistic means of representation, constant epithets, comparisons, direct speech, cultural code, plot-forming function, linguistic picture of the world.

References

1. Anikin V. P. Russkie narodnye skazki [Russian Folk Tales]. – M.: Detskaya literatura, 1987.
2. Anikin V. P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo [Russian Oral Folklore]. – M.: Vysshaya shkola, 2001.
3. Afanas'ev A. N. Narodnye russkie skazki: V 3 t. [Russian Folk Tales: In 3 vols.]. – M.: Nauka, 1984–1985.
4. Vedernikova N. M. Russkaya narodnaya skazka [Russian Folk Tale]. – M.: Nauka, 1975.
5. Egorova O. A. K voprosu ob aktualizatsii mifologicheskikh predstavleniy v fol'klore (na materiale russkikh i britanskikh skazok) [On the Issue of Actualization of Mythological Representations in Folklore (Based on Russian and British Fairy Tales)] //Litera. – 2018. – № 3. – pp. 296–303.
6. Egorova O. A. Spetsifika mifologicheskoy osnovy volshebnoy vymysla v skazkakh Britanskikh ostrovov [Specificity of the Mythological Basis of Magical Fiction in the Tales of the British Isles] //Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication – 2014. – № 1. – pp. 87–97.
7. Kruglova Yu. G. Russkie narodnye skazki [Russian Folk Tales]. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1988.
8. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical Roots of the Magic Tale]. – M.: Labirint, 2000.
9. Propp V. Ya. Russkaya skazka [Russian Fairy Tale]. – M.: Labirint, 2000.